

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

АЛЕКСАНДР ЧУДИНОВ

«ПРИНЦ»
И «ЦАРЕУБИЙЦА»

*История Павла Строганова
и Жильбера Ромма*

Александр Викторович Чудинов
«Принц» и «цареубийца».
История Павла Строганова
и Жильбера Ромма
Серия «Библиотека проекта
«История Российского государства»»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55560335
«Принц» и «цареубийца». История Павла Строганова и Жильбера
Ромма:
ISBN 978-5-17-121314-5*

Аннотация

Библиотека проекта «История Российского государства» – это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники исторической литературы, в которых отражена биография нашей страны от самых ее истоков.

Это история приключений и дружбы-ненависти двух неординарных людей, каждый из которых оставил яркий след в истории своей страны.

Граф Павел Александрович Строганов, добрый друг императора Александра I и талантливый военачальник, устоявший против самого Наполеона в битве при Краоне,

получил в молодости весьма необычное образование. Его гувернер Жильбер Ромм, ученый-неудачник, масон и шпион, а в дальнейшем – видный революционер и «цареубийца», проголосовавший за казнь короля, закалял своего подопечного, как клинок дамасской стали. Он путешествовал с мальчиком по России от Белого моря до Черного, от Карелии до Уральских гор, отвез его в поисках знаний к всемирно знаменитым швейцарским ученым и наконец окунул в огненный водоворот Французской революции...

Содержание

Об авторе	6
Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

**Александр
Викторович Чудинов
«Принц» и «цареубийца».
История Павла Строганова
и Жильбера Ромма**

© В. Akunin, 2020

© А.В. Чудинов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Об авторе

Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук и главный редактор международного издания «Французский ежегодник», уже четверть века является лидером международно признанной «новой русской школы» историографии Французской революции XVIII века.

Труды А.В. Чудинова по истории Французской революции и Наполеоновских войн были отмечены международной научной премией им. А. Леруа-Больё, премией им. Н.И.Кареева Российской академии наук и Серебряной медалью ассоциации *la Renaissance Française* (Франция).

Его перу принадлежат такие монографии, как «Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин», «Французская революция: история и мифы», «Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза», «Старый порядок во Франции и его крушение», «История Французской революции: пути познания», «Забывтая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800», ряд учебников для школ и вузов, а также более 400 научных статей.

Пролог

Где только не встречали эту удивительную пару в восьмидесятые годы XVIII века путешественники, пылившие по дорогам Европы: то в просторной карете, запряженной шестеркой лошадей, то в тесной кибитке она без усталости колесила по континенту от гор Уральских до гор Альпийских, от моря Белого до моря Черного. Их видели на волжских просторах и в прибалтийских дюнах, у водопадов Финляндии и возле потухших вулканов Оверни, в херсонской степи и на равнине Иль-де-Франса. Они гуляли по набережным Невы и Сены, восхищались красотами московского Кремля и ханского дворца в Бахчисарае, подолгу жили в Киеве и Женеве. Впрочем, вряд ли современник счел бы эту пару необычной – всего лишь юный русский граф с французом-учителем! В самом деле, мало ли их тогда разъезжало по свету: отпрысков российской аристократии со своими «мосье бопре»?

Шарль-Жильбер Ромм (1750–1795), проголосовав в 1793 году за казнь короля Людовика XVI, получил вместе с другими такими же, как он, депутатами Конвента неофициальное звание «цареубийцы»

Но нам, отделенным от той поры двумя сотнями лет и знающим дальнейшую судьбу этих людей, их союз не мо-

жет не показаться удивительным. Ведь учителем был Жильбер Ромм, вошедший позднее в историю как один из видных деятелей Французской революции, депутат Законодательного собрания и Конвента, «цареубийца», проголосовавший за казнь короля, лидер последних монтаньяров и «мученик прериала». Целое десятилетие Франция жила по составленному им календарю. А его ученик, граф Павел Александрович Строганов, которого на родине Ромма, в Оверни, величали «русским принцем», остался в истории России как ближайший сподвижник императора Александра I, участник и идеолог либеральных реформ начала XIX века, умелый дипломат и талантливый военачальник.

Граф Павел Александрович Строганов (1772–1817) никогда не имел княжеского титула, однако земляки Ромма, неискушенные провинциалы, пораженные изяществом манер, блестящим французским языком и красотой юноши, на-

рекли его «русским принцем (князем)»

Истории удивительного содружества этих двух выдающихся людей и посвящена настоящая книга. Это иллюстрированная и сокращенная версия монографии «Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза», увидевшей свет в 2010 году и отмеченной тогда же Международной премией имени А. Леруа-Больё. Поскольку настоящее издание адаптировано для широкого читателя, здесь отсутствуют научный аппарат, характеристика использованных документов и очерк историографии темы. Тот, кто после прочитанного захочет со всем этим ознакомиться, может обратиться к оригинальной версии книги.

Глава 1

Уроженец Риома

Год 1745-й в провинциальной городке Риом, что в Нижней Оверни, был столь же беден на события, как год предыдущий, да, впрочем, и последующий тоже. Отец Тиолье, риомский монах-кордельер, тщательно фиксируя в своем дневнике наиболее знаменательные факты из жизни города, счел необходимым за весь 1745 год упомянуть лишь о таких. Двадцать четвертого марта в церкви Отцов Кордельеров был установлен деревянный образ Божьей Матери. Двадцать девятого марта отпевание госпожи Сулаж Лямур, дамы, видимо, чрезвычайно достойной, производилось монахами не как обычно, а в новом черном облачении, специально предусмотренном для особых случаев вторым пунктом устава Отцов Кордельеров города Риома. Шестого мая господин Шовлен, бывший хранитель печати и государственный секретарь, двумя годами ранее королевским указом сосланный с семьей в Риом, теперь другим королевским указом был переведен в Орлеан. Начался ремонт дороги, ведущей от ворот Лайа к воротам Мозак. Третьего октября виноградники на равнине сильно пострадали от заморозка, а семнадцатого октября сильный ветер нанес им большой ущерб, оборвав все грозди. В тот же день случился пожар в

предместье Лайа, где сгорели шесть домов, а в огне погибли породистая лошадь, несколько свиней и овец. Тридцать первого декабря в монастыре Отцов Кордельеров начался ремонт органа. И всё. В остальном жизнь шла по обычному, от веку заведенному порядку: люди рождались, женились и умирали.

Двадцать третьего февраля 1745 года прокурор риомского президиала (суда) Шарль Ромм женился во второй раз. Новобрачный был далеко не молод: ему шел уже шестьдесят четвертый год. В местечке Рошдагу на северо-западе Нижней Оверни, где он увидел свет в 1681 году, род Роммов еще с XVI века принадлежал к верхам третьего сословия как один из наиболее зажиточных и влиятельных. Отец Шарля, почтенный купец Жильбер Ромм, торговавший обувью, покинул сей мир тридцати лет от роду, когда сыну не исполнилось и семи. А поскольку мать ребенка умерла двумя годами ранее, заботу о мальчике взял на себя ее брат Пьер Жалло, прокурор риомского президиала (окружного суда). Он-то и вырастил Шарля, обучил премудростям юриспруденции, а позднее передал ему свое место в суде (купив такую должность, владелец мог распоряжаться ею как собственностью).

В XVIII веке население Риома насчитывало около десяти тысяч, что по меркам даже того времени было достаточно скромным числом. Однако город не только претендовал на звание административного центра Оверни, но играл порою достаточно заметную роль в государственной жизни страны

в целом, благодаря тому, что издавна служил местом пребывания важнейших судебно-административных учреждений провинции: королевского сенешальства, основанного еще в 1360 году, и президиала, созданного в 1551 году; а также – ряда территориальных финансово-фискальных органов: финансового присутствия, денежной палаты, управления лесами и водами, бюро соляной монополии. Правда, в соседнем городе Клермон-Ферране, непримиримом сопернике Риома в борьбе за право считаться столицей Оверни, находилась не только резиденция интенданта – представителя центральной власти, но и свои собственные сенешальство и президиал. Однако округа последних размером существенно уступали риомским. К тому же клермонские учреждения имели более позднее происхождение и, соответственно, пользовались меньшим авторитетом, ведь общество Старого порядка строилось прежде всего на уважении к традиции. Таким образом, если Клермон-Ферран, благодаря присутствию интенданта, формально считался (но только не риомцами!) политическим центром Оверни, то реально бо́льшая часть провинции в судебном и фискальном отношениях подчинялась Риому.

Город Риом и сегодня во многом сохраняет тот же облик, что и при жизни Жильбера Ромма. Фото автора

Присутствие столь влиятельных административных институтов во многом определяло лицо этого города. В отличие от жителей Клермон-Феррана, занятых преимущественно ремеслом и торговлей, риомцы основной свой доход полу-

чали от обслуживания судебных и фискальных учреждений. Съезжаясь в Риом со всей Оверни, участники множества продолжавшихся годами судебных тяжб всякий раз оставляли здесь немалые суммы в уплату за постой и пропитание и, уж само собой разумеется, в виде гонораров советникам, адвокатам, прокурорам, писцам и прочим судебским чинам. А те были весьма и весьма многочисленны: только в сенешальстве и президиале – 6 руководящих должностных лиц, 16 советников, 4 контролирующих чиновника, 36 адвокатов, 64 прокурора, не говоря уже о более мелкой сошке. И если по всей Франции судебскую корпорацию в просторечии презрительно именовали «кляузниками» и «крючкотворами», то в Риоме к ней, напротив, относились с неизменным почтением: суды кормили город. Нападки жителей Клермон-Феррана, этих вечных недоброжелателей, ехидно замечавших, что Риом живет лишь за счет кляузы, риомцы воспринимали хладнокровно, списывая на зависть, поскольку клермонское сенешальство, в отличие от риомского, серьезных дел не вело и доходов не приносило.

В наши дни зал риомского суда выглядит не менее величественно, чем в XVIII веке

Таким образом, Пьер Жалло оказал племяннику поистине неоценимую услугу, передав ему свое место прокурора. Уже в 25 лет Шарль Ромм оказался обеспечен солидным и стабильным доходом и получил доступ в круг наиболее уважаемых граждан города. Женившись в 1705 году на Бонне Ламот, дочери почтенного буржуа Клода Ламота, Ромм поселился в собственном доме на престижной улице Вашри, где жили в основном дворяне, купцы и другие богатые горожане. Дела его, видимо, шли неплохо, и в 1729 году он расширил свои владения, прикупив смежный дом за тысячу ливров. От

этого брака Шарль Ромм имел дочь Анну (р. 1706 г.). В 19 лет он отдал ее замуж за другого судейского чиновника – адвоката Амабля Биора, который, как и тесть, тоже вскоре стал прокурором. Казалось, жизнь удалась, и свой полувековой юбилей Шарль Ромм мирно встретит в кругу семьи, окруженный почетом и достатком. Но судьба распорядилась иначе. Ее удары посыпались на прокурора Ромма один за другим. В 1729 году умерла дочь Анна, в 1735 году за ней последовал и ее супруг. Где-то в 1740 году скончалась единственная внучка Ромма – Жильберта. И в довершение всех несчастий, в 1743 году из жизни ушла жена Шарля Ромма, с которой они вместе прожили 38 лет.

Оставшись в 62 года один, как перст, старый прокурор приступает к поискам себе новой половины и вскоре находит ее в Артонне, живописном местечке севернее Риома. Двадцать третьего февраля 1745 года он вступает в брак с Мари-Анн Денье. Она, насколько мы можем судить по позднему портрету кисти Воронихина и по портретам ее дочерей, как две капли воды похожих на мать, была далеко не красавицей и, быть может, поэтому засиделась в невестах: в 1745 году ей шел уже тридцать первый год. Однако социальный и имущественный статус ее семьи вполне соответствовал положению Ромма, что в глазах последнего, возможно, представляло собою большую ценность, нежели внешняя привлекательность. Отец невесты, Жан-Франсуа Денье, некоторое время успешно практиковавший в качестве хи-

ругра, приобрел на заработанные таким образом деньги судебно-административную должность лейтенанта бальяжа. Мать, Жанна-Мария Деа, была дочерью королевского нотариуса из деревни Жимо, неподалеку от Риома.

Мари-Анн Ромм (1714–1800) была намного моложе своего престарелого мужа, из-за чего их пятерых детей ей пришлось воспитывать практически в одиночку

Помимо происхождения, молодая жена Шарля Ромма обладала такими бесценными качествами, как здоровье и плодovitость. Уже через девять с половиной месяцев после свадьбы, 8 декабря 1745 года, она подарила мужу первенца, которого назвали Николая-Шарль. Немного забегаая вперед, отметим, что природа щедро одарила старшего сына Ромма, дав ему живой нрав, легкий характер, способность быстро сходиться с людьми и, самое главное, рано открывшийся талант к точным наукам. Окончив Ораторианский колледж в Риоме, он отправится в Париж, дабы продолжить обучение в семинарии Св. Петра и Св. Людовика, что станет возможным благодаря стипендии, предоставленной дальним родственником Роммов, аббатом Фуэ. У Николая-Шарля рано проявятся недюжинные способности к математике и особенно астрономии, которую он будет изучать у знаменитого Жозефа Жерома Лефрансуа де Лаланда.

Отправленный в юности родителями учиться на юриста в Париже, Жозеф Жером Лефрансуа де Лаланд (1732–1807) открыл там для себя астрономию и быстро добился в ней феноменальных успехов, уже в 21 год став членом Академии наук

Позднее, по ходатайству того же Лаланда, Николя-Шарль Ромм получит место профессора в военно-морской школе города Рошфор-сюр-Мер, напишет знаменитые труды по навигации и в 1778 году станет членом-корреспондентом Королевской академии наук. Когда 14 марта 1805 года Николя-Шарль уйдет в мир иной, Лаланд напишет: «Никто другой не занимался с большей пользой и постоянством тем великим искусством навигации, которое является главным источником процветания и величия государств». Даже если бы его младший брат Жильбер и не снискал себе на революционном поприще трагической славы «цареубийцы» и «мученика прериала», Николя-Шарль сделал более чем достаточно для того, чтобы фамилия Ромм заняла почетное место в анналах французской истории.

Впрочем, вернемся в Риом сороковых годов XVIII века. Николя-Шарлю еще не исполнилось и полутора лет, когда 12 мая 1747 года у него появился брат – Жан-Франсуа, которого впоследствии тоже отправят учиться на стипендию аббата Фуэ. По воле родителей Жан-Франсуа в 21 год примет постриг в бенедиктинском монастыре. Добродушный увалень и бонвиван, любитель хороших вин и изысканных деликатесов, он также будет не чужд наукам и сочинит трактат о календарях, праздниках и нравах древних Афин и Рима.

Через 13 месяцев после рождения второго сына, 29 апреля 1748 года, жена Шарля Ромма принесла ему дочь. Веселая и добрая Антуанетта – так называли девочку – окажется, увы,

столь же некрасива, как и ее мать. Лишь в 35 лет она выйдет замуж за врача Жана Батиа, вдовца с пятью детьми на руках. Своих детей у нее так никогда и не будет.

Родившаяся 15 июня 1751 года младшая из детей Шарля Ромма – Анн-Мари, как и старшая сестра, была очень похожа на мать, однако, в отличие от Антуанетты, уже в 18 лет вступила в брак, став женой прокурора Жильбера Тайана. Ее дети – сын Жан-Батист и дочь Мари-Жанна, вошедшая в историю под семейным прозвищем «Миет», – окажут будущим биографам Жильбера Ромма бесценные услуги: первый – сохранив его архив, вторая – оставив в своих письмах красочные зарисовки из жизни семьи Ромм.

Именно на корреспонденцию Миет опирался я, говоря об особенностях характеров детей Шарля Ромма. И хотя Миет описала своих дядь и тетю, когда те вошли в уже достаточно зрелый возраст, подмеченные ею черты легко позволяют представить себе их и гораздо более юными. Эти заметки Миет относятся к 1788 году, когда в ожидании приезда Жильбера Ромма из России, его мать пригласила к себе в Жимо и других своих детей. Вот каким Миет увидела Николая-Шарля: «Высокий, отлично сложенный, умное лицо, изящные манеры и речь хорошо воспитанного человека <... > В беседе г-н Ромм из Рошфора производит более яркое впечатление, чем его брат [Жильбер]; в разговоре с дамами он всегда сумеет убедить».

Николя-Шарль Ромм (1745–1805), благодаря своим незаурядным математическим способностям, сделал блестящую карьеру ученого. Однако революционная эпопея его младшего брата затмила научную славу старшего, и в наши дни их часто путают, ошибочно называя Жильбера Ромма «математиком», коим он никогда не был

А вот портрет Жана-Франсуа: «У этого доброго монаха приятная физиономия. Низенький и толстый, он все время хохочет и думает только о том, чтобы выпить и поесть. Первое, что он [приехав] спросил у матери, – есть ли у нее бургундское и жив ли еще Симон Лягушка. Мадам Ромм поняла намек и послала в Риом гонца, который привез блюдо лягушек, приготовленных знаменитым кулинаром. <...> Он [Жан-Франсуа] ни секунды не остается в покое, с ним все время надо играть или петь. Я не думала, что священнослужители могут быть такими веселыми. Он играет на скрипке и флейте и охотно соглашается аккомпанировать, чтобы мы потанцевали».¹

Не менее выразительно появление Антуанетты: «Моя тетя Батиа с мужем откликнулись на приглашение бабушки. Если бы ты только видела, – обращается Миет к кухне, – триумфальный въезд этих добрых горцев. Вдвоем на одной лошади, сапоги торчат вперед, портманто сзади; одежда и внешний вид соответствующие. Ты знаешь мою тетку и можешь представить себе, как на ней сидит костюм для верховой езды. Ее муж одет, как в старые добрые времена. Вместе они являют собою преуморительное зрелище. <...> Она [тетя Батиа] остроумна и весела. Тот, кто узнаёт ее получше, прощает ей некрасивую внешность». От Миет нам также известно, что и ее мать Анн-Мари «любит светскую жизнь и увеселе-

¹ Симон Лягушка (Simon-la-Grenouille) – риомский трактирщик, известный в то время искусным приготовлением жареных лягушек.

ния, не пропускает ни одного бала или спектакля; она везде, где развлекаются».

На фоне столь веселого и жизнелюбивого семейства странным контрастом смотрятся суровость и аскетизм Жильбера Ромма. Впрочем, уже с первых дней жизни у него все было не как у других братьев и сестер. Так, появление на свет каждого из них произошло в монотонной череде будней провинциального городка, наполненных мелкими, повседневными делами, не привлекавшими к себе внимание риомских летописцев. Теперь нам уже не узнать, чем жил Риом в те дни, когда впервые увидели этот мир Никола-Шарль и Анн-Мари, Жан-Франсуа и Антуанетта. Зато мы точно знаем, что делал Риом, когда родился Жильбер, – истово молился.

В ожесточенной борьбе иезуитов, поддерживаемых высшей церковной иерархией Парижа и Рима, против янсенистов – борьбе, определявшей ход религиозной (а порою и политической) жизни Франции на протяжении большей части XVII и XVIII столетий, Риом безоговорочно стоял на стороне янсенистов. Сколько бы ни пытались клермонские епископы увещанием и даже принуждением убедить риомское духовенство отказаться от янсенистской «ереси», оно оставалось непреклонно в своих убеждениях, в чем его твердо поддерживали и столь влиятельные в этом городе судебские учреждения. В начале 1750 года руководство епархии предприняло еще одну попытку наставить риомцев на путь

истинный, прислав к ним миссию с генеральным викарием во главе. Местный житель Антуан Месье в своем дневнике так описал происшедшее: «15 февраля 1750 года, в первое воскресенье Великого поста, миссия прибыла в Риом. Ее открыл г-н де Фелигонд, генеральный викарий. Освящение креста, установленного у ворот Мозак напротив селитренного завода, произвел 12 апреля 1750 года, в воскресенье Доброго Пастыря, г-н Пелиссье, декан церкви Сент-Амабль по окончании вечера». Еще более подробно рассказывает об этом уже упоминавшийся выше отец Телье: «14-го числа в Риоме началась миссия, о чем вечером 14-го известили все колокола города и предместий. Г-н Фелигонд, генеральный викарий, отслужил мессу в приходской церкви. Г-н Дюфресс, кюре из Сейра, в тот же день читал проповедь. Из-за столпотворения народа между 5 и 6 часами вечера г-н кюре Вэрон не смог пройти в приходской храм и вынужден был у нас в церкви взять святые дары для причащения опасно заболевшего г-на адвоката Мерсье. В течение всей этой миссии, осуществляемой миссионерами из епархии, богослужения регулярно проводились в 7 и 10 часов утра и в 4 вечера. Завершилась она после Пасхи общей процессией на площади возле ворот Мозак, где был установлен и освящен ныне находящийся там крест».²

² Янсенисты – сторонники яansenизма, духовно-религиозного течения внутри католической церкви, отличавшиеся, в частности, аскетизмом в повседневной жизни и приверженностью к строгой «пуританской» морали.

Церковь Святого Амабля, покровителя города Риома, построена, как и многие дома в Оверни, из прочного вулканического камня. Фото автора

Родной дом Жильбера Ромма на улице Башенных часов.
Фото автора

В самый разгар миссии, когда в большинстве риомских церквей шли многолюдные службы, в семье прокурора Шарля Ромма 26 марта в 6 часов утра появился мальчик, который 43 года спустя попытается навсегда покончить с христианским богослужением, создав календарь, где больше не будет воскресения. Он родился в доме 19 по улице Порт-Лайа, куда его родители переехали с улицы Вашри двумя годами ранее. Этот дом сохранился до сих пор, хотя и сменил адрес, – теперь у него номер 25 по улице Башенных часов. Однако хорошо различимое число «19» на дверях и мемориальная доска на стене напоминают о том далеком дне, когда крошечный Жильбер впервые увидел свет. Впрочем, если быть точным, при крещении, состоявшемся в тот же день, его называли Шарль-Жильбер, но в дальнейшем и родные, и он сам первую половину имени предпочитали опускать.

Крещение это также проходило совершенно иначе, нежели у его братьев и сестер. Если в их случае обряд носил характер официального торжества, где крестными выступали более или менее дальние родственники с солидным положением в обществе, то Жильбера крестили без помпы, в узком семейном кругу. Крестной матерью ему стала бабушка по материнской линии, а крестным отцом... – пятилетний братик Николая-Шарль. Возможно, родители решили отказаться

от пышной церемонии, опасаясь за здоровье младенца, хилого и тщедушного. Как бы то ни было, такой поворот событий повлиял на выбор имени новорожденного. Старшие братья и сестра были названы в честь их крестных: соответственно – королевского советника Николя-Шарля Гранше, лейтенанта бальяжа Артонн Жана-Франсуа Денье и Антуанетты Денье, родной тетки. Четвертому же ребенку, чьим крестным был старший брат, нужно было придумать какое-то другое имя. Первую половину – «Шарль» – мальчик получил, очевидно, в честь отца. «Жильбером» же звали сразу нескольких его предков и по отцовской, и по материнской линии. Беда лишь в том, что никому из них это имя счастья не принесло. Как уже говорилось, Жильбер Ромм, дед нашего героя, умер в тридцать лет; два брата матери – тоже Жильберы – и того раньше: вероятно, еще в детском возрасте.

Воспитывался юный Жильбер Ромм также совсем по-другому, чем его братья. Те рано покинули дом, отправившись учиться. Жильбер не имел такой возможности из-за слабого здоровья. У историков нет документов, относящихся к периоду его детства, однако более поздний источник позволяет судить о постигшем ребенка несчастье. Уже взрослым, проезжая через Лион, Ромм записал в дневнике: «6 ноября 1788 года я засвидетельствовал почтение г-ну Жанену де Комб-Бланшу. Я выразил ту признательность, которую к нему испытываю, поскольку именно ему я обязан тем, что все еще вижу свет. Он был последним из врачей, к кому я об-

ратился по поводу болезни глаз, и единственным, кто сумел мне помочь после 14 лет страданий. Решив обратиться к г-ну Жанену, я послал ему мемуар о состоянии моего зрения и о лечении, которое я безуспешно до того времени предпринимал. Он захотел, чтобы мы некоторое время находились в переписке, дабы больше узнать о моей болезни, поскольку он не мог меня лично осмотреть. Невозможно было тогда везти меня в Лион, ибо без поводыря я не мог выйти даже из своей комнаты, не мог я также читать и писать. Он сообщил, что, по его мнению, лучше делать в моем положении, дал необходимые советы, и дела пошли на поправку. Он вернул мне свет дня, а с ним – мою любовь к познанию и надежду наконец начать карьеру. До выздоровления я ходил лишь от дома до церкви, отныне же я начал строить планы на будущее, а два года спустя уехал в Париж [...] О Жанен, отец дал мне жизнь, ты же дал мне свет, без коего жизнь была бы только долгой чередой горестей и лишений».

Надпись на мемориальной доске гласит: «Здесь родился Жильбер Ромм, председатель Конвента». В Конvente председатель переизбирался каждые две недели, поэтому таким же званием могли похвастать и десятки других депутатов, однако из уроженцев Риома таковым стал только Ромм. Фото автора

Жильбер Ромм покинул Риом в 1774 году. Выздоровление наступило двумя годами ранее. Следовательно, болезнь, мучавшая его 14 лет и едва не приведшая к полной слепоте, началась примерно в восьмилетнем возрасте. Вот почему, в

отличие от братьев, все детство и юность у него прошли в стенах родного дома.

Воспитанием мальчика занималась в основном мать. Отец находился уже в весьма преклонных годах и, похоже, постепенно терял бразды правления в семье. В частности, это нашло символическое выражение в том, что, начиная со второго ребенка, выполнять почетную обязанность крестных приглашались только родственники жены. Жильбер также по-разному оценивал роль каждого из родителей в своей жизни. Будучи уже взрослым, он ни в личной корреспонденции, ни в дневниковых записях никогда не упоминал об отце, хотя потерял его уже в достаточно сознательном возрасте: когда 82-летний Шарль Ромм почил в бозе 13 октября 1763 года, Жильберу шел четырнадцатый год. Напротив, к матери он до конца своих дней относился с трогательной заботой и глубочайшим пиететом. Так, находясь в России, за тысячу миль от родного очага, Ромм едва ли не в каждом послании своему другу, почтмейстеру Дюбрёлю, будет беспокоиться о том, чтобы матери регулярно доставляли из Парижа шоколад, предписанный ей врачами. А незадолго до смерти, уже находясь под арестом и ожидая суда, Ромм обратится к ней с такими словами: «Вы всегда жили среди несчастных, которых, сколько могли, поддерживали своими советами и своими средствами. Этим принципам мы учились с самого появления на свет. Таким образом, вы, сами того не подозревая, воспитали у нас республиканские добродетели». Ес-

ли отвлечься от характерной для этого пассажи аффектации, которая была присуща языку французских революционеров вообще, а тут еще и усилена ожиданием скорой гибели за свои политические убеждения, то главное здесь – признание Роммом решающей роли матери в формировании его личности. Что же касается характера этого воспитания, то о нем мы в определенной степени можем судить по письмам Миет Тайан, какое-то время жившей в доме бабушки.

Истовая янсенистка, Мари-Анн Ромм отличалась глубокой набожностью и благочестием. «Она слепо верит всем тем, кто носит сутану», – замечает Миет о бабушке в одном из писем, а в другом сообщает: «Подобно кюре, она думает, что спасение обретут только католики». Не удивительно, что мадам Ромм была весьма недовольна, когда Николая-Шарль взял себе в жены протестантку, богатую и красивую вдову капитана морского судна, и «объявила сыну, что никогда не примет у себя его жену».

Весь ритм жизни в доме, по словам Миет, определялся неизменным порядком богослужений: «Бьет восемь. Время молиться. Мы становимся на колени перед старым камином, над которым находится огромное изображение Христа, вселяющее страх. Пронзительные голоса повторяют со мною литании святым. Быть может, этот концерт приятен Богу, но ухо не радуется. Молитва закончена, все идут спать». Посещение мессы было столь же обязательно. Не случайно Ромм отмечал, что даже в период наибольшего обострения

болезни, когда он и из комнаты не мог выйти без повода-ря, единственное, ради чего ему приходилось покидать дом, была служба в церкви. Причем мадам Ромм жалуется Миет, предпочитает утреннюю проповедь, когда часовня «заполнена одними лишь старыми святошами».

Янсенизм предписывал верующим строго аскетический образ существования, поэтому мадам Ромм не одобряла светские развлечения. Она «терпеть не могла», если Миет читала что-либо помимо Евангелия, да и сама старалась бежать искусов светской жизни. Так, она (к огорчению Миет) не слишком охотно принимала у себя мадам де Фонтэн, умевшую вести легкую, приятную беседу, и предпочитала ей компанию своей ближайшей подруги мадам Манде, о которой Миет отзывалась так: «Эта старая святоша говорит лишь о том, что ела, о ценах на яйца, о плохом поведении слуг и о кулинарных способностях своей дочери. Похваставшись по очереди всеми своими детьми, она начинает критиковать соседей. Затем переходит к обсуждению недостатков всех на свете, и все это исключительно от доброжелательности». А вот еще одна изображенная Миет картинка в лицах: мать Жильбера Ромма посещает мадам де Фретта, жену владельца замка Ширак поблизости от Жимо: «Мадам де Фретта очень набожна. В этом она полностью соответствует мадам Ромм. Весь их разговор был о священниках, проповедях и недостатке благочестия у молодежи. Это был какой-то непрерывный поток евангелической морали. [...] Я зевала,

прикрываясь веером».

В такой же обстановке, очевидно, прошло и детство Жильбера Ромма. Но если бойкая и веселая Миет бывала у бабушки наездами, а значительную часть времени находилась в доме родителей, отнюдь не чуждых радостям земной жизни, то Жильбер, заточенный из-за недуга в четырех стенах, другой жизни просто не знал. Очевидно, именно такому воспитанию, наряду с болезнью, он и был обязан своим меланхолическим, замкнутым характером, а также прочной привычкой к аскетизму, который во время Революции будет признан республиканской добродетелью.

Впрочем, если бы, говоря о мадам Ромм, мы здесь поставили точку, портрет получился бы далеко не полным, написанным, пожалуй, излишне темной краской. Эта женщина отнюдь не была такой сухой святошей, как может показаться при знакомстве с принятым в ее доме порядком. «Ты очень жалеешь меня за то, что я провожу свою юность со старухой, которая только и знает, что молится да читает морали, – пишет Миет кухне. – Общество мадам Ромм не столь утомительно, как ты себе представляешь. Она обладает чувством юмора, может посмеяться остроумному словцу, пошутить не без изящества и не против, когда ей отвечают тем же. Суровая ко всем остальным, она совсем другая по отношению ко мне. Меня она балует».

Нельзя также не отметить и ее демократичность в общении с людьми. Унаследовав от родителей и мужа опреде-

ленную движимую и недвижимую собственность (по оценке 1782 года – всего на 26 735 ливров), а также благодаря солидному общественному положению покойного супруга, мадам Ромм была вхожа в дома лучших дворянских семей округи. Однако общение с их обитателями не доставляло ей удовольствия. Так, после упомянутого выше визита в замок семьи де Фретта мадам Ромм призналась внучке: «Я не люблю общества людей, с кем нельзя говорить свободно. Вообще каждый должен посещать лиц своего ранга. Под равных не нужно подстраиваться, что не в моем характере. Поэтому я общаюсь с дворянами лишь постольку, поскольку это необходимо. Я прекрасно знаю, что в деревне они ищут общества буржуа за неимением иного. Но их авансы меня не обманут и не заставят отказаться от своих простых манер, чтобы им понравиться. Посещение великих всегда наносит вред малым». Гораздо охотнее, выезжая в сельскую местность (а ей принадлежало несколько участков земельных угодий в окрестностях Риома), мадам Ромм общалась с деревенскими жителями: «ей доставляло большое удовольствие слушать своих арендаторов», обсуждать с соседями «домашнее хозяйство, плохие урожаи и расходы».

Но хотя мадам Ромм и чувствовала себя гораздо свободнее с простыми селянами, детям своим она желала успешной карьеры в более высоких сферах общества и постаралась дать им лучшее из доступного для них образования. Жильбер, пораженный прогрессирующим недугом, не мог, подоб-

но братьям, покинуть Риом в поисках знаний и учился в родном городе. К сожалению, документы, находящиеся в моем распоряжении, не сообщают о том, в каком возрасте Ромм начал учебу. Остается верить на слово моим предшественникам, надеясь, что у них были более подробные источники, которые они, правда, не указали. По утверждению первого биографа Ромма, овернского историка-любителя XIX века Марка де Виссака, первым наставником Ромма был аббат Батиа, каноник церкви Сент-Амабль (это его брат в дальнейшем станет мужем Антуанетты). А примерно четырнадцати лет отроду Жильбер поступил в Ораторианский коллеж Риома.

Основанный в 1618 году, коллеж в 1657 году переехал в новое здание, где и располагался до своего окончательного закрытия в годы Революции. В XVIII веке здесь одновременно училось до восьмисот человек. Ну а поскольку для занятий имелось лишь девять залов, студентам приходилось плотно усаживаться на скамьях, держа записи на коленях: для столов не оставалось места. Впрочем, эта теснота имела и свои преимущества. В холодные овернские зимы так было гораздо теплее слушать лекции, ведь помещения коллежа не отапливались. По соглашению между властями города и конгрегацией ораторианцев, студенты в принципе учились бесплатно, хотя реально им все же приходилось ежегодно сдавать на нужды коллежа небольшую сумму – от 15 до 30 су с человека.

Ораторианский коллеж в Риоме. Учрежденная в начале XVII века конгрегация монахов-ораторианцев создала во Франции целую сеть учебных заведений, в которых особое внимание уделялось изучению точных и естественных наук

Учебный год длился десять с половиной месяцев: с 15 октября до конца августа. Занятия начинались в 7:30 утра и продолжались, в зависимости от времени года, до 13:30, 14:00 или 14:30. В целом учебная нагрузка составляла примерно 25 часов в неделю.

Несмотря на относительно небольшое число преподавате-

лей (12–14, включая руководство коллежа), программа была достаточно насыщена и разнообразна, как, впрочем, и в других ораторианских учебных заведениях того времени. Уже упоминавшееся противоборство между иезуитами и янсенистами охватывало и сферу образования, из-за чего в ней параллельно существовали две принципиально различные педагогические системы: собственно иезуитская и ораторианская, ориентированная на галликанские ценности янсенизма. Если иезуитская педагогика отдавала приоритет классическому образованию, то ораторианцы, напротив, делали упор на изучении живого французского языка и точных наук. Правда, латынь в риомском коллеже все-таки преподавалась, но ей было отведено достаточно скромное место. Студенты читали Федра, Корнелия Непота, Вергилия, Квинта Курция, Тита Ливия, Горация, Тацита и Цицерона. Древнегреческому языку риомские ораторианцы не учили, зато отводили приоритетное место французской литературе нового времени. Так, например, в сохранившийся до наших дней и публикуемый почти во всех историях риомского коллежа перечень учебных пособий за 1788 год включены труды Николя Буало-Депрео, Жана-Батиста Руссо, Жана Лафонтена и трактат по французской орфографии. Много времени отводилось также познанию истории, причем не только античной, но и современной.

Однако, пожалуй, наиболее впечатляющей разница между иезуитским и ораторианским образованием была в отно-

шении к точным и естественным дисциплинам. В отличие от иезуитов, ораторианцы уделяли этим предметам повышенное внимание. В риомском коллеже для преподавания физики был приглашен даже специальный преподаватель: в годы учебы Ромма – П. Шабер. Студенты изучали также математику и физическую географию, прежде всего самой Оверни.

По мнению современных историков педагогики, для XVIII века ораторианское образование было поистине новаторским и наиболее близким к современному. Правда, сам Жильбер Ромм имел на сей счет совсем иное мнение. Много лет спустя после окончания им в 1770 году коллежа, именно Ромм, будучи председателем Комитета общественного образования, выступит 20 декабря 1792 года в Конвенте с докладом, нанесшим смертельный удар как его собственной *alma mater*, так и другим аналогичным учебным заведениям Франции. «Глупое уважение к этим монашеским институтам, – скажет Ромм, – до сих пор способствовало сохранению пороков и недостатков образования, что уже давно и самым радикальным образом противоречит повсеместному прогрессу искусств и философии. В то время как в сфере литературы все изменяется, все совершенствуется, коллежи – эти школы заблуждений и предрассудков – застыли, словно в летаргическом сне, под властью рутины, порожденной суевериями и деспотизмом. [...] Люди не хотят больше обучения, которое душит гений, продлевает им детство дольше, нежели того требует природа, и после многих лет кропотли-

вого и упорного труда оставляет у человека только ощущение собственного невежества или же нелепого самодовольства. Ни один из этих институтов не может быть сохранен...»

Впрочем, едва ли такое мнение сложилось у Ромма еще в годы учебы или даже сразу по ее окончании. Скорее всего, подобная инвектива против религиозных учебных заведений являлась логическим продолжением той непримиримой борьбы против церкви, которую он вел уже во время Революции. В юности же Ромм был весьма далек от воинствующего антиклерикализма, присущего ему в зрелые годы. Более того, позволю себе усомниться в правомерности предположения итальянского историка Алессандро Галанте-Гарроне, автора наиболее подробной биографии Ромма, вышедшей в 1959 году, о том, что учащиеся риомского коллежа, как и других французских коллежей и школ второй половины XVIII века, еще на студенческой скамье впитывали «запретные» идеи философов-просветителей, «распалывавшие недовольство и нетерпение молодых поколений». Поскольку сохранившиеся до наших дней бумаги личного архива Ромма не содержат ни прямых, ни косвенных указаний на его знакомство в юности с произведениями философов французского Просвещения, историк строит свою гипотезу на том, что, во-первых, в двадцатилетнем возрасте Ромм читал и конспектировал английского философа и просветителя Джона Локка (а где Локк, мол, там и Жан-Жак Руссо), а во-вторых, – что распространение просветительских идей

носило тогда повсеместный характер.

Действительно, в бумагах Ромма сохранились выписки из «Опыта о человеческом разумении» Локка, сделанные в 1770 году. Однако эта книга распространялась во Франции вполне легально и само по себе обращение к ней еще не подразумевало наличие у ее читателя интереса к «запретным» темам философии французского Просвещения и, в частности, к теориям Руссо. К тому же знакомство с трудом Локка, похоже, не способствовало развитию у Ромма вкуса к философии, даже если таковой у него и был в юности. Впоследствии Ромм весьма пренебрежительно отзывался о гуманитарных науках вообще и о философии в особенности.

Что же касается распространения просветительских идей во Франции второй половины XVIII века, то оно носило далеко не всеобщий характер. Во всяком случае, эти идеи были явно не в чести среди римских друзей Ромма, с которыми тот поддерживал самые тесные отношения на протяжении всей своей жизни. В круг этих людей, объединенных общей любовью к наукам и искусствам, Ромм, судя по его словам, вошел где-то в начале 1770-х годов, видимо, сразу после окончания коллежа. В одном из писем Дюбрёлю за 1777 год он заметит, что их дружба длится около четырех лет, а в письме тому же корреспонденту от 29 сентября 1791 года определит ее продолжительность уже более чем в 20 лет. В этот круг Ромма ввел астроном и натуралист М. Бонифас (1738–1816), больше известный под именем Дю Кар-

ла (или Дюкарла). Уроженец Тарна, Дю Карла, в силу неизвестных нам жизненных обстоятельств, в 1770-е годы на какое-то время оказался в Риоме, где и встретился с Роммом. Вскоре он уехал в Париж, но перед этим свел Жильбера со своими знакомыми, которые для того стали друзьями на всю жизнь.³

Наиболее близок Ромму из них был, пожалуй, Габриэль Дюбрёль. Именно через него Ромм, странствуя по свету, поддерживал связь с родным городом. Дюбрёль же, в отличие от своего друга-путешественника, всю жизнь практически безвыездно провел в Риоме. Здесь он родился в 1747 году, здесь учился в Ораторианском коллеже, здесь на протяжении многих лет занимал пост директора почты. Человек весьма любознательный и охочий до книг, Дюбрёль, опять же, в отличие от своего друга, достаточно прохладно относился к точным наукам и отдавал предпочтение гуманитарным дисциплинам – истории, философии, литературе. Будучи, как минимум в общих чертах, знаком с идеями философов Просвещения, он не только не разделял их, но и относился к ним с откровенной неприязнью. «Заинтересованность в нашей ре-

³ Спустя годы Ромм писал Дюбрёлю: «Я люблю и искренне уважаю г-на Дюкарла и не думаю, что мне Вам это нужно доказывать. Я ему весьма обязан: признание этого является свидетельством моей искренней благодарности к нему. Но чем именно я ему обязан? Тем, что он помог мне преодолеть мою застенчивость, держась в общении со мной просто, открыто и на равных, как это Вы сами за ним знаете. Тем, что компенсировал мне свой отъезд добрыми знакомствами, которые помог мне завести в Риоме. Я обязан ему знакомствами с г-ном Деведьером, г-ном Буара и с Вами».

лигии – это самое дорогое, что у нас есть. Вы должны относиться к этому с высочайшим вниманием и никоим образом не прислушиваться к нечестивым софизмам наших современных философов», – предостерегал Дюбрёль находившегося в Париже Ромма.

Столь же резкое неприятие у римского почтмейстера вызывали и ставшие обыденными в политической литературе того времени нападки на власть. В одном из посланий Ромму он так характеризует прочитанную накануне книгу: «Имея мало времени, не буду подробно распространяться о томе по истории Франции. Ограничусь лишь замечанием, что прочитал его с удовольствием, что он написан простым и естественным языком и что, несмотря на все сказанное нашими мыслителями и нашими философами, кричащими о свободе, наше правительство является точно таким, каким его изобразил г-н Моро». Жакоб Николя Моро (1717–1803), со взглядами которого солидаризировался Дюбрёль, был широко известным в дореволюционной Франции защитником монархической традиции и последовательным критиком просветительской философии.

Глубокая религиозность отличала и друга семьи Ромма – Гаспара Антуана Болатона, который был для Жильбера и старшим товарищем, и в некотором роде покровителем. Болатон родился в 1724 году в Риоме. В 1740 году, после пяти лет учебы в Ораторианском коллеже, он уехал в Париж изучать философию и теологию. Позднее Болатон занимал

различные должности в Ораторианском ордене, в частности преподавал теологию в Риоме (в 1751–1754, 1761–1766 годах), когда, возможно, и познакомился с Роммом. В 1770 году Болатон оставил преподавание и занял место каноника, что позволяло ему уделять гораздо больше времени своему любимому занятию – литературе. В течение нескольких лет он трудился над стихотворным переводом «Потерянного рая» Мильтона, вышедшим в свет уже в период пребывания Ромма в России. Сочинение английского поэта привлекло к себе Болатона и своим изысканным стилем, большим ценителем которого он был, и горячим религиозным энтузиазмом, в полной мере разделявшимся им самим. Как и остальные друзья Ромма, Болатон читал полуподпольное издание янсенистов «Церковные новости». Во второй половине 1780-х годов он работал над сочинением «Монолог, или Беседа о Боге, природе и людях», но так его и не закончил.

Доктор Антуан Буара, еще один близкий друга Ромма, также был глубоко верующим человеком и противником «новой философии». Буара родился в Риоме приблизительно в 1723 году. Получив медицинское образование в Монпелье, он вернулся на родину в 1749 году. Практикующий врач, он интересовался также теоретическими вопросами науки, выписывал «Медицинскую газету», состоял в переписке с известнейшим парижским врачом Ф. Вик д'Азиром, а после создания в 1776 году «Королевского общества медицины» стал его членом-корреспондентом.

При этом увлечение естественными науками Буара вполне гармонично сочетал с религиозной верой. Помимо научной литературы, он, как и Болатон, постоянно читал янсенистские «Церковные новости», а в своих письмах рассуждал о вере с красноречием и пылом проповедника. Вот, например, какие наставления получил от него Жильбер Ромм после того, как сообщил из Парижа о завязавшемся знакомстве со столичными учеными: «Никоим образом не доверяйте людям, но только Богу, и пусть прежде всего благочестие всегда будет предметом Ваших штудий и Ваших устремлений».

Такое же сочетание любви к естественным наукам и религиозности мы находим и у другого риомского корреспондента Ромма – Этьена Дютура де Сальвера. Сын торговца кожами, перешедшего затем на службу в налоговое ведомство, Дютур с возрастом унаследовал место отца и весьма солидный доход, позволивший ему приобрести замок Сальвер и ряд других овернских сеньорий. Дютур, родившийся в 1711 году, был намного старше Ромма и не принадлежал к числу его близких друзей. Однако этих двух людей связывало общее увлечение естествознанием. Исследования Дютура по физике, геологии, ботанике были высоко оценены ведущими учеными Франции, присвоившими ему в 1746 году звание члена-корреспондента Королевской академии наук. Дютур пользовался также огромным уважением у своих земляков – жителей Риома, считавших его одной из главных

достопримечательностей своего города. Читая новейшую научную литературу и переписываясь со столичными коллегами, в частности со знаменитым Ж.Л.Л. Бюффеном, Дютур был вполне знаком с материалистическими веяниями своего века, однако они никоим образом не пошатнули его религиозных убеждений. Более того, он посвятил последние десятилетия своей жизни занятиям теологией и преуспел в экзегезе Священного Писания: его сочинение «Жизнь нашего Господа Иисуса Христа и согласие евангелистов» выдержало три издания. Учитывая это, мы уже не удивимся и его беспокойству за Ромма, рискующего в Париже подвергнуться вредным идейным влияниям. Вот что писал об этом Дюбрель: «Он [Дютур] поделился со мной своими опасениями в отношении современного философизма и сказал, что религия – это наиболее серьезная из всех вещей, которая должна нас занимать и интересовать в первую очередь. Мне показалось, что он проявляет большой интерес ко всему, что Вас касается».

Феликс Вик д'Азир (1746–1794), выдающийся специалист по анатомии, был лечащим врачом королевы Марии-Антуанетты. Во время «Великого террора» Французской революции он простудился и умер, твердя в горячечном бреде: «Они пришли за мной! Арестуют и казнят!!!»

Если товарищи Ромма были так обеспокоены тем, что, покинув родной город, он может подвергнуться в Париже «дурным влияниям», способным повредить его религиозной вере, то известие о его предстоящем путешествии в Россию и вовсе повергло их в панику. «Накануне отъезда в чужой край, – писал ему Буара, – где о католической религии судят превратно и где Вы будете жить среди греческих схизматиков, которые ее презирают и на нее клеветуют, позвольте мне посоветовать Вам хранить ей верность и предупредить о подстерегающей Вас опасности исполниться терпимости к религии тех, с кем будете делить кров, и пренебрежения к вере Ваших праотцев». Боязнь того, что в России Ромм проникнется якобы царящим там безразличием к религии, испытывали и другие близкие ему люди. «Хочу сказать о Вашей матери, г-не Буара, г-не Дютуре, г-не Салле и других, кто Вас ценит, – писал Дюбрель. – Они боятся, как бы фактическое безразличие к религии, столь характерное для России, не оказало на Вас влияния. Они заклинаят Вас следовать тем благим принципам, которых Вы в данном отношении придерживаетесь и ни на йоту не уклоняться с этого ис-

тинного пути».

Как видим, люди, составлявшие риомское окружение Ромма, – персоны весьма просвещенные – были далеки от духа собственно Просвещения, которое во Франции характеризовалось достаточно ярко выраженным негативизмом по отношению к религии. Напротив, добрых риомцев отличало по-янсенистски трепетное отношение к вере и резкое неприятие любых попыток как-либо принизить ее значение.

Вместе с тем из этого отнюдь не следует делать вывод, что юность Ромма прошла в сугубо монастырской обстановке. Среди тех немногих сведений о раннем периоде его жизни, которые поток времени донес до нас, есть и фрагменты двух писем – свидетельство его юношеской любви. В конце XIX века эти документы находились в руках овернского историка-краеведа Ж. Дедевиза дю Дезера, который процитировал их в своей лекции о Ромме и Субрани. Однако, проявив деликатность (возможно, тогда еще были живы ближайшие потомки этой в дальнейшем почтенной дамы), он не назвал полное имя возлюбленной Ромма, упомянув лишь, что это была его кузина «Мадлен Б...». И только в конце XX века овернский краевед Р. Бускейроль указал, что речь шла о кузине Ромма – Мадлен Буавен, но оригиналов самих писем у него уже не было, и он их цитировал по тексту Дедевиза дю Дезера.

Жорж Луи Леклерк, граф де Бюффон (1707–1788), зна-

менитый французский биолог и натуралист, сделал своими сочинениями биологию весьма модной в среде просвещенной публики того времени

Первое из посланий датировано 21 июля 1769 года Жильберу, тогда еще школяру Ораторианского коллежа девятнадцать лет, девушке – семнадцать. Вот, что он пишет ей:

«Я люблю Вас. И не делаю из этого тайны. Но, увы, быть может, я зашел слишком далеко? Могу ли я сделать Вам подобное признание, не будучи уверен в Вашем? Если Вы окажетесь настолько неблагодарны, что не ответите мне тем же, я буду считать себя несчастнейшим из людей. С этого момента я испытываю странное томление...»

Жан-Оноре Фрагонар. «Поцелуй украдкой»

Здесь Дедевиз дю Дезер, к сожалению, прерывает цитату, и о завершении послания мы можем судить лишь по ехидному замечанию историка: «Мадлен не заставила Ромма томиться, и еще до того, как запечатать письмо, он получил от нее кольцо и... зубочистку, после чего ответил ей акростихом столь совершенной пошлости, что, похоже, заимствовал его у соседа-кондитера».

Их роман развивался, по-видимому, достаточно неспешно. Лишь четыре года спустя Жильбер позволил себе по от-

ношению к девушке некоторые вольности, за которые она попыталась наградить его оплеухой. Об этом мы узнаем из его письма от 18 декабря 1773 года:

«Моя дорогая кузина, я неплохо себя чувствую, отразив Вашу оплеуху. Но не думайте, что я не испытываю никаких эмоций. Судьбе было угодно, чтобы я сдерживал до сих пор чувство мести, но оно от этого только окрепло, и я не упущу случая дать ему возможность вырваться наружу. Оплеуха стоит пяти поцелуев. Я посылаю их Вам со всем тем пылом, с которым они только и могут искупить мое огорчение. Два я запечатлеваю на Ваших очаровательных щечках, которые так украсила Ваша скромность, ведь без нее любая красота ничто. Газовая косынка иногда позволяет внимательному глазу разглядеть нечто такое, на чем я оставляю еще два своих поцелуя. И не стоит пугаться моего возмездия; оно, на мой взгляд, еще не соразмерно тому злу, которое вы мне причинили. Наказание это столь же легкое, как и бумага, на которой Вам о нем сообщается, и я его с охотой сокращу еще больше, обменяв пятый поцелуй на нечто более существенное. Я буду стараться изо всех сил, чтобы заслужить еще одну оплеуху. Не знаю, удастся ли мне в этом дойти до конца. В предвкушении сего имею честь оставаться, моя дорогая кузина, Вашим скромнейшим и покорнейшим слугой».⁴

⁴ По моде того времени, девушки прикрывали легкой косынкой плечи и декольте.

Звучит многообещающе, однако, по словам Дедевиза дю Дезера и Бускейроля, исполнения «угрозы» бедной Мадлен пришлось ждать еще целых... пятнадцать лет. Впрочем, к их истории мы еще вернемся.

Рассказ же о римской юности Ромма подходит к концу. Других сведений об этом периоде его жизни у нас пока нет. Известно лишь, что осенью 1774 года Жильбер Ромм покинул родной город и отправился в Париж.

Глава 2

Осада «республики наук»

Точной даты прибытия Ромма в Париж мы не знаем. А. Галанте-Гаронне полагает, что это произошло в конце сентября 1774 года, известный овернский историк Ж. Эрар – в октябре. Первое мне представляется более правдоподобным. В своем письме от 14 октября 1774 года, открывающем многолетнюю череду его посланий на родину, Ромм сообщает, что после приезда в Париж он, помимо прочих трат, заплатил за 15 дней проживания на улице Старого монетного двора. Ну а поскольку в тот же день, когда было отправлено это послание, он обосновался уже по новому адресу – на улице Прачек, логично предположить, что к моменту написания письма эти 15 дней уже истекли. Иными словами, на парижскую землю Ромм ступил, очевидно, не позднее 30 сентября.

Новый мост в Париже XVIII века

С этого времени мы обладаем уже гораздо более подробными сведениями о его жизни, поступках и даже некоторых мыслях: отныне он достаточно регулярно будет сообщать о них Г. Дюбрёлю. В частности, из их корреспонденции мы можем узнать о мотивах, побудивших Ромма покинуть родной город и отправиться в Париж. Ну а поскольку эти мотивы были, увы, не слишком оригинальны, то прежде чем перейти к их рассмотрению, думаю, следует рассказать о тех общих причинах, которые во второй половине XVIII века вызвали настоящий наплыв юных и более или менее образованных провинциалов в столицу Франции.

Век Просвещения подарил молодым французам, не имевшим знатных предков, но получившим достаточно сносное образование, надежду на социальное восхождение по новому, неизвестному их предшественникам пути – через успех на поприще литературы или науки. Разумеется, и литература, и наука существовали также в предыдущие столетия, но лишь век Просвещения превратил их в профессии, способные обеспечить своим обладателям высокое положение в обществе. Наглядным подтверждением тому стал жизненный путь большинства знаменитых французских писателей и ученых того времени, которым их таланты обеспечили широкое общественное признание и если не богатство, то вполне солидный достаток. Так, избрав литературную стезю, сын нотариуса М.Ф. Аруэ (больше известный как Вольтер) и сын ремесленника Д. Дидро стали не только властителями дум современников и привилегированными корреспондентами коронованных особ, но и достаточно обеспеченными людьми.

Благодаря своим научным трудам не менее головокружительное восхождение по социальной лестнице совершили Ж.Л. Лагранж и П.С. Лаплас, чьи отцы были соответственно чиновником и крестьянином. Подлинным же олицетворением новых возможностей, открывавшихся тогда пе-

ред талантливыми людьми скромного происхождения, можно считать судьбу Ж.Л. Даламбера. Бедный бастард, брошенный знатной матерью и выросший в семье стекольщика, он сделал блестящую карьеру сразу на обоих поприщах – и литературном, и научном. Не удивительно, что писатели того времени на все лады превозносили достоинства «республики изящной словесности» (*république des lettres*) и «республики наук» (*république des sciences*), изображая каждую из них как некое внесловное братство, где истинный талант обязательно найдет признание. И также не удивительно, что перспективы повторить успех одного из великих притягивали, как магнитом, в Париж – мировую столицу искусств и наук – множество незнатных юношей из провинции. Но были ли доступ в эти «республики» столь легок, как издали казалось наивным провинциалам?

Относительно «республики изящной словесности», на этот вопрос подробно ответил американский историк Р. Дарнтон в исследовании «Литературное закулисье Старого порядка».

«Патриарх Просвещения», философ и писатель Вольтер

(1694–1778), стал настоящим кумиром и властителем дум образованных людей своего времени. Одаренная литературными талантами молодежь воспринимала его жизнь как образец для подражания. Сын мелкого чиновника, он к концу жизни имел уже не только весьма значительное состояние, но и огромный авторитет в интеллектуальной сфере: переписываться с ним было престижно даже для коронованных особ

«Сколько молодых людей в конце XVIII века, – писал он, – мечтали о том, чтобы войти в число посвященных, наставлять монархов, спасти оскорбленную невинность и править республикой словесности с высот Французской академии или замка вроде Ферне. Стать Вольтером или д’Аламбером – вот что манило молодых людей, мечтающих о карьере». Однако в соприкосновении с реальностью эти благие надежды терпели крах. Рынок печатной продукции – пусть даже многократно выросший во второй половине столетия – все равно был недостаточен для того, чтобы прокормить всех, желавших заняться литературным трудом. Отсутствие свободной конкуренции среди книгоиздателей, что позволяло им диктовать писателям наиболее выгодные для себя условия, и, в еще большей степени, отсутствие какой-либо защиты авторских прав от издательского пиратства, делали для литературных неофитов крайне проблематичным даже выживание, не говоря уже о сколько-нибудь обеспеченной жизни.

Материальное благосостояние мэтров Высокого Просвещения, чей удел казался столь привлекательным для молодых дарований, обеспечивалось, отмечает Р. Дарнтон, не столько гонорамами за их произведения, сколько доходами от различного рода академических и государственных должностей, правительственными пенсиями и пожертвованиями меценатов. Однако источники эти отнюдь не были неиссякаемыми, и успевшие припасть к ним раньше других, вовсе не горели желанием делиться с опоздавшими. В результате, «пока горстка литературных бонз тучнела на пенсиях, большинство авторов опускалось на уровень литературного пролетариата». Преуспевавшие писатели с нескрываемым презрением относились к неудачникам, оказавшимся на литературном дне, и дали им обидное прозвище «руссо сточных канав» (*rousseaux du ruisseau*).

«Попав однажды на литературное дно, провинциальный юноша, мечтавший взять Парнас приступом, выбраться оттуда уже не мог. По словам Мерсье, “он падает и стонет у подножия непреодолимой преграды... Принужденный отказаться от славы, по которой так долго вздыхал, он останавливается и трепещет перед дверью, закрывшей ему путь вверх”. Более того, племянники и внучатые племянники Рамо наталкивались на двойную преграду – и социальную, и экономическую; отмеченные однажды клеймом литературного дна, они уже не могли проникнуть в изысканное общество, где

распределялись теплые местечки. И тогда они проклинали закрытый мир культуры. Чтобы выжить, они брались за грязную работу – шпионили для полиции и поставляли порнографию; и заполняли свои произведения проклятиями против “света”, унизившего их и развратившего».

«Жизнь на литературном дне была нелегкой и психологически обходилась недешево, поскольку “отбросам литературы” приходилось бороться не только с неудачами, но и с деградацией, причем бороться в одиночку. Неудача ведет к одиночеству, а условия литературного дна благоприятствовали изоляции его обитателей. Ироническим образом главной ячейкой “низовой литературы” была мансарда (в Париже восемнадцатого века расслоение шло скорее по этажам, чем по кварталам). В мансардах на пятом или шестом этаже, еще до того, как Бальзак романтизировал их удел, непризнанные “философы” узнавали, что Вольтер дал им верное название – “литературное отребье”».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.